

ЗА ЛИНИЕЙ ФРОНТА
ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ

Пауль Леверкюн

ГЕРМАНСКАЯ ВОЕННАЯ РАЗВЕДКА

ШПИОНАЖ, ДИВЕРСИИ, КОНТРАЗВЕДКА

1935–1944

Пауль Леверкюн

**Германская военная разведка.
Шпионаж, диверсии,
контрразведка. 1935-1944**

«Центрполиграф»

Леверкюн П.

Германская военная разведка. Шпионаж, диверсии, контрразведка.
1935-1944 / П. Леверкюн — «Центрполиграф»,

Руководитель Стамбульского отделения абвера Пауль Леверкюн в своей книге подробно описал, чем по сути являлась эта организация, как была устроена и какие функции выполняла. Абвер, изначально предназначенный для борьбы с деятельностью иностранных разведслужб, постепенно расширялся, создавая отделы разведки за пределами Германии. Основываясь на рассказах и воспоминаниях сослуживцев, Леверкюн привел наиболее важные и характерные эпизоды работы абвера на территории Польши, СССР, Скандинавских государств и стран Ближнего и Среднего Востока: шпионаж, осуществление диверсий, добывание военно-политической информации. Не обошел автор вниманием и адмирала Канариса, под руководством которого абвер стал Главным разведывательным управлением вермахта.

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Пауль Леверкюн

Германская военная разведка. Шпионаж, диверсии, контрразведка. 1935-1944

Глава 1

Офицер германской разведки в Стамбуле

Немецкое наименование Nachrichtendienst в широком смысле соответствует тому, что в англоязычном мире понимают как Интеллидженс сервис (Intelligence Service, разведывательная служба), в то время как термин «абвер» (Abwehr, дословно – «защита») первоначально применялся конкретно к тому подразделению Nachrichtendienst, перед которым стояла задача борьбы с деятельностью иностранных разведслужб; другими словами, этот термин обозначал германскую службу контрразведки.

Когда 21 января 1921 года была сформирована сотысячная армия, разрешенная Германией условиями Версальского договора, секция абвер была организована в министерстве обороны Германии, в Берлине. Руководство отделом абвер было поручено полковнику Гемппу, который служил в германской разведке во время Первой мировой войны под руководством полковника Николаи. Отдел был небольшим и состоял из двух или трех офицеров Генерального штаба с примерно полудюжиной офицеров, а также с приданным небольшим штатом канцелярских работников; он был разделен на два подотдела – «Восток» и «Запад», – но первоначально не обладал техническими средствами для решения таких вопросов, как радиосвязь, изготовление паспортов, личных документов и т. п., что является важным для эффективной деятельности подобного рода службы. Для работы вне штаб-квартиры (на местах) абвер имел в своем распоряжении отделения, которые были организованы при каждом из семи военных округов и первоначально состояли из офицера Генштаба, одного офицера-помощника и соответствующего канцелярского персонала. Абвер постепенно расширялся в сторону включения в сферу своей деятельности как контрразведывательной, так и разведывательной деятельности, как внутри Германии, так и вне ее, но к тому времени термин «абвер» сохранился как устоявшийся.

Отдельные операции абвера были описаны в прессе бесчисленное множество раз. Описания основывались частично на информации, предоставленной участниками операций. Но эта информация зачастую была дополнена и приукрашена вымышленными диалогами и другими деталями до такой степени, что трудно становится понять, где заканчивается правда и начинается вымысел. В то же время обычным ответом тем, кто настаивал на том, что должна быть написана правдивая история абвера, было утверждение, что архивы абвера вывезены американцами в Вашингтон и вследствие этого недоступны. Но не должна преувеличиваться важность этих документов, так же как и «дневников Канариса», о которых в недавнем прошлом было столько публикаций. Многие из наиболее важных операций абвера не были отражены в официальных документах.

В периферийных отделениях мы, руководствуясь необходимостью, сожгли, с определенным чувством удовлетворения, все, что было занесено на бумагу, все документы, и были весьма рады избавиться от них. Содержание захваченных архивов – это только «скелет» истории; живой дух сохраняется лишь в воспоминаниях участников событий, и с их смертью становится невозможным написать истинную историю абвера.

Зафиксировать некоторые из рассказов и воспоминаний сотрудников, служивших в абвере, – вот мысль, которая дала толчок написанию этой книги. Я спросил себя, конечно,

могу ли взять на себя ответственность, опубликовав эту книгу, и считаю себя вправе утвердительно ответить самому себе на этот вопрос. Прежде всего, как руководитель стамбульского отделения и также разведывательного подразделения под названием «Военная организация – Ближний Восток» (1941—1944) я приобрел опыт практической работы в абвере; я лично знал адмирала Канариса, в течение многих лет руководившего абвером, и имел широкие возможности наблюдать как работу штаб-квартиры абвера, так и его руководство им. Однако как офицер резерва (автор был дипломированным юристом, имел докторскую степень, впоследствии – член бундестага. – *Примеч. пер.*) я был достаточно обособлен от деятельности абвера, чтобы иметь объективную точку зрения. Более того, как адвокат штабов Верховного командования в Нюрнберге и фельдмаршала Манштейна в Гамбурге позднее я столкнулся с проблемами, которыми занималось Верховное командование, и, таким образом, ознакомился изнутри с действиями германских военных руководителей, что было существенным для должной оценки места абвера во всей германской военной организации.

Не было возможно, да я и не имел намерения написать полную историю, осветить все фазы войны во всех странах, где действовал абвер. Такой труд был бы слишком обширным и утомительным для восприятия обычным читателем. Скорее я постарался выбрать наиболее важные или характерные эпизоды. Основой для всего описанного ниже послужила абсолютно достоверная информация. С глубоким сожалением должен сообщить, что я не был в силах воздать должное достижениям всех моих товарищей, офицеров.

В большинстве случаев я опустил или изменил имена людей, любезно помогавших мне в работе над этой книгой, в первую очередь из-за вполне естественной неприязни любого сотрудника любой разведки к виду своего имени, выставленного на обозрение всего мира в открытой печати. Также немало сотрудников абвера претерпели тяжкие испытания в послевоенный период и поэтому предпочитают, чтобы их имена не были упомянуты. Я полностью выполнил пожелания первых и свои обязательства по отношению к последним; но всем, кто оказал мне неоценимую помощь, я приношу свою искреннюю благодарность.

В 1939 году, в канун войны, Ближний и Средний Восток не входили в сферу непосредственных интересов германского Верховного командования и вряд ли кому-то даже на мгновение в голову пришла мысль, что германские солдаты получают приказ действовать в этих регионах.

Они, однако, представляли косвенный интерес в силу пакта, заключенного с Советской Россией. Германия была вынуждена заключить соглашение с русскими относительно раздела Польши и согласиться на включение Финляндии и Прибалтийских государств в их сферу влияния. Необходимо признать этот факт достойным сожаления, но он не нес в себе угрозы каких-либо военных последствий, которые бы повлияли непосредственно на Германию; и с точки зрения германской военной промышленности и экономики эти страны не представлялись важными. Кроме одной страны, вызывавшей мрачные предчувствия и опасения, – Румынии. Война на Балканах очень усложнила бы обстановку, и, если бы румынские нефтяные месторождения были потеряны или попали под контроль русских, поставки нефти в Германию полностью зависели бы от России. Было известно, что русские собираются оккупировать и аннексировать Бессарабию. В попытке отвлечь их от этого была рассмотрена возможность убедить их направить свою активность на Ближний или Средний Восток – или, возможно, даже далее на восток. Вторжение в Афганистан и угроза северо-западной границе Индии стали бы с германской точки зрения прекрасным фактом, поскольку очень большие британские силы, которые иначе могли быть направлены на европейский театр военных действий, были бы связаны. Идея с Афганистаном, однако, была быстро отброшена, как я покажу в следующей главе.

Далее, внимание было обращено на возможности, открывающиеся для российских частей при спуске их с Кавказских гор на равнины. Здесь наличествовало два возможных поля действий. Российские части могли либо продвигаться к равнинам Месопотамии и атаковать

нефтяные месторождения Мосула, либо нанести удар в южном направлении через Персию и захватить нефтяные скважины Англо-Иранской нефтяной компании. Но эти проекты также были признаны, при их детальном изучении, нежизнеспособными. Наступление через Персию потребовало бы значительно больших усилий, чем требовалось бы для оккупации Бессарабии; и при исследовании возможности атаки на Месопотамию присутствие французской армии в Сирии под командованием генерала Вейгана, очевидно, явилось наиболее весомым фактором. Любое действие, предпринятое русскими, без сомнения, привело бы к немедленному вмешательству этих французских частей, и было сомнительно, что русские, не считающие себя способными на военные авантюры такого рода, не будут рассматривать армию Вейгана как значительную угрозу для них. Об этой упомянутой выше армии было известно очень мало. Ее численность была равна, по оценкам, от ста до ста пятидесяти тысяч человек, но информация о ее составе была так же скудна, как и сведения о ее вооружении. На рубеже 1939—1940 годов, когда русско-финская война почти привела к военным действиям между Россией и англо-французскими союзниками, Верховное командование очень интересовало возможная будущая роль армии Вейгана. В то время как бытовало мнение о ее предполагаемом вторжении на Балканы, нельзя было полностью отбрасывать возможность того, что она может быть использована для броска на Баку и захвата тамошних нефтяных месторождений. Если бы последний из вариантов был принят, то ситуация могла бы очень осложниться, поскольку в тот период Баку все еще был главным источником нефти для России, очень существенная часть которой предназначалась на экспорт в Германию, и германское Верховное командование зависело от этих поставок в вопросах ведения войны.

Также скудной была и информация о рельефе местности, лежащей между армией Вейгана и Баку. Французы, очевидно, могли свободно передвигаться в пределах своей подмандатной территории, которая главным образом являлась пустыней и простиралась на восток до самого Тигра, за Тигром они располагали северной Персидской дорогой, построенной британцами после Первой мировой войны. Но тогда они уперлись бы в горы Кара-Дага. Этот момент был важнейшим, а вывода о том, существовала ли какая-либо трасса через горы Кара-Дага, с пропускной способностью, достаточной для осуществления военных перевозок, не позволяла сделать ни одна из существующих карт.

Во время Первой мировой войны в течение зимы 1915/16 года в этом районе работала экспедиция Хюбнера – Рихтера. Я был последним живым участником этой экспедиции и, таким образом, единственным офицером вермахта, когда-либо несшим службу в полевых условиях Северной Персии. Глава штаба оперативного руководства в Верховном командовании вермахта полковник Варлимонт настоятельно потребовал у адмирала Канариса направить меня для проведения военной рекогносцировки Азербайджана с инструкциями получить в то же время как можно более подробную информацию о силах и подготовленности армии Вейгана. Я был назначен консулом в Тебризе и в марте 1940 года отправился на новое место службы.

Я очень быстро установил, что дорога через Кара-Даг, способная пропускать горные войска, существует, и пришел к заключению, что две моторизованные дивизии, укомплектованные и оснащенные для ведения боевых действий в горах, смогут достичь Баку и оставаться там на время, достаточное для его уничтожения. На то, что русские окажут серьезное сопротивление, рассчитывать не приходилось: русские страдали от последствий войны с Финляндией и русская армия благодаря чисткам 1930-х годов, в ходе которых высшее командование было почти обезглавлено и от которых оно уже не оправилось, была все еще сильно ограничена в своих возможностях.

Данная рекогносцировка Северной Персии, конечно, заключалась не только в изучении имеющихся транспортных артерий между Баку и Тебризом, но также включала исследование всех возможностей для передвижения войск в данном районе. Стало очевидным, что никто, ни Британия, ни кто-либо еще, не уделял внимания данному вопросу. Существовало несколько

крупномасштабных карт, но по большей части мне приходилось в своих поездках основываться на международной карте мира (атласе масштабом 1:1 000 000), на которой обширные районы, никогда ранее не исследованные, были представлены многочисленными пустотами, а то, что все же было показано на карте, оказалось в значительной степени изображенным неверно.

Дорога от турецкой границы через Хой и Тебриз на Тегеран была частью древнего Шелкового пути, который шел из Центральной Азии до Черного моря в районе Трапезунда, — одна из классических транспортных артерий истории; но военная рекогносцировка даже этого пути никогда не выполнялась. К юго-востоку от Тебриза находится перевал Шибле, имевший определенное военное значение. Немного дальше к югу расположено так называемое ущелье Кафланку, по которому дорога вьется много миль рядом со стремительным потоком. Оба эти места образуют препятствия первостепенной важности, но ни одно из них не было показано на карте.

Я также выяснил, что амбициозные планы старого шаха Резы Пехлеви по постройке дороги, параллельной границе, от Тебриза через Курдистан на юг, провалились на первоначальной, подготовительной стадии. Такая дорога имела бы первостепенное военное значение; далее, она могла бы быть использована для умирения курдских племен в этих горных районах; но этот проект, как я выяснил на месте, был очень далек от воплощения в жизнь.

Я слышал, что по приказу шаха заводы «Шкода» построили современный мост рядом с Саккизом, южнее озера Урмия, и что в пятнадцати милях или далее к югу имелось еще два новых моста. Дорога на Саккиз подходила для передвижения на автомобиле, и вследствие этого район был достижим для моторизованных частей.

В Саккизе действительно имелся прекрасный бетонный мост, но он никогда не использовался, поскольку люди, как и их предки в течение столетий, предпочитали ему находящийся по соседству брод. Я хотел проехать еще пятнадцать миль вперед, чтобы увидеть два других моста, однако встретил решительное сопротивление своим планам со стороны моих переводчика и водителя. Во время остановки на обед в Мехшеде они немного прогулялись и на видном месте обнаружили две виселицы, на которых висели два курда, казненные за разбои на дорогах. В то время автомобиль был редкостью в этих местах и определенно представлял собой лакомый кусочек для нападения. Одного выстрела по колесам было бы достаточно для остановки машины, и перспектива такой возможности привела к категорическому отказу водителя ехать дальше. И он был недалек от истины: именно в тот день на перевале Шибле было совершено нападение на автомобиль, один пассажир был убит, а двое других ранено. Как признался в дальнейшем один из преступников, целью данного нападения был германский консул!

Успех Германии во Французской кампании устранил все угрозы, которые могли исходить от армии Вейгана. Сам Вейган был отозван во Францию, а его армия в Сирии была включена в общие соглашения о прекращении военных действий. Представляет определенный интерес вопрос, было ли данное предприятие излишним, или союзники все же всерьез рассматривали когда-либо возможность наступления на Баку? Во время Французской кампании в руки немцев попали секретные документы французского Генерального штаба. Из них ясно, что как раз в то время, когда Генштаб вермахта озвучивал свою обеспокоенность адмиралу Канарису в январе 1940 года, французский премьер-министр Даладье приказал начальнику Генштаба генералу Гамелену и начальнику морского штаба адмиралу Дарлану изучить возможность атаки на Баку, а эти два офицера, в свою очередь, консультировали британцев.

Данный случай характеризует различие между образом мышления англо-французских союзников и немцев: первые решили планировать операцию как комбинированную (силами флота и авиации), а немцы рассматривали решение проблемы посредством применения только сухопутными частями. Вполне очевидно, что возможность использования сухопутных частей даже не рассматривалась союзниками, в противном случае какие-то свидетельства о предварительных рекогносцировках, которые они должны были выполнить, стали бы достоянием

гласности. Необходимыми условиями для осуществления комбинированной операции силами флота и авиации, однако, были следующие: во-первых, должны быть открыты Дарданеллы и, во-вторых, турки должны были дать разрешение на пролет над турецкой территорией, что было равносильно отказу от нейтралитета Турции. Весьма примечательно, что простая наземная операция, включающая в себя не более чем марш через Ирак и Персию, даже и не должна была рассматриваться и что вместо нее рисковала планироваться экспедиция, которая должна была столкнуться с политическими препятствиями, серьезнейшими из возможных.

Тем временем результаты проведенной мной рекогносцировки не были совсем уж бесполезными для абвера. Когда германские части достигли Кавказа и установили в 1942 году флаг над Эльбрусом, мосульские нефтепромыслы и большие англо-иранские сооружения на реке Карун казались очень близкими. Было решено, что вермахт предпримет наступление в данном направлении. Кроме того, предполагалось, что британцы уничтожат нефтеочистительные заводы и скважины так же, как они уничтожали другие важные источники военных запасов, когда были вынуждены отступать. Поскольку этот очистительный завод и скважины имели жизненно важное значение для поставок нефти в Европу, перед абвером была поставлена задача разработать план, который предотвратил бы такое уничтожение.

Было предположено, что перед отступлением британцы разгерметизируют скважины и уничтожат очистительный завод. Такие меры, по мнению экспертов, вывели бы из эксплуатации нефтяные промыслы Южного Ирана на многие годы; вблизи старых скважин пришлось бы бурить новые, а очистительный завод – восстанавливать с нуля. Поэтому был разработан план, являющийся техническим новшеством, – *Système d'ensablement* – «техника образования песчаной пробки», – посредством которого очистительный завод и скважины были бы временно приведены в негодность в то время, когда они еще находились в руках у британцев; другими словами, была сделана попытка саботировать акт саботажа. Эта методика, говоря простым языком, предусматривала заполнение скважин, буровых вышек, трубопроводов песком, тогда для разгерметизации скважин и уничтожения оборудования потребовалось бы выполнение большого объема работ. Данный проект сначала был расценен в Берлине как относящийся к области фантастики, но его авторы настаивали и добились того, чтобы план был представлен для рассмотрения и оценки группе экспертов, которые после скрупулезного изучения признали его технически осуществимым.

После этого немедленно была начата разработка детального плана. Было решено, что данная операция должна осуществляться группой признанных экспертов под руководством человека, который был бы знаком не только с техникой очистки нефти и нефтяными промыслами, но также и со страной и людьми, особенно с шейхами арабских болотных племен, которые предоставляли большую часть персонала для нефтяных промыслов. Разработка проекта шла без сбоев, но его пришлось отменить, когда германское наступление на Кавказе было остановлено, и последующие сражения сделали очевидным, что Кавказские горы – это предельная отметка для любых дальнейших попыток проникновения в данном направлении.

В начале 1941 года абвер направил майора Шульце-Хольтуса для того, чтобы заменить меня на посту консула в Тебризе. Когда в августе 1941 года британцы и русские вторглись в Персию, он и его жена вместе с другими немцами были сначала интернированы в Шимрау, недалеко от Тегерана, однако они бежали оттуда и после полного приключений путешествия нашли убежище у кашгаи, одного из воинственных племен Южной Персии. Для восстановления связи с Германией фрау Шульце-Хольтус отправилась переодетой через Курдские горы в Турцию – смелое и трудное предприятие. Служба безопасности (*Sicherheitsdienst*, или СД, секретная служба нацистской партии) отправила двух сотрудников к Шульце-Хольтусу, и маленькая группа стойко держалась, пока кашгаи, окруженные британцами, не выдали их. Шульце-Хольтус описал пережитое им в прекрасной книге; здесь не остается добавить ничего, кроме того, что его позиция и поведение были во всех отношениях примерными и достойными офи-

цера абвера. Находясь далеко и будучи отрезанным от своих руководителей, он выказал храбрость и воображение высокого порядка, сделав все возможное в его положении. Его усилия не остались неоцененными; своими поступками он связал определенное число британских солдат, силы и материалы, которые противник был принужден ввести в действие, были значительными, и вокруг одного человека возник целый театр военных действий в миниатюре.

Хотя для целей сухопутных сил временно не требовалось дальнейших рекогносцировок Ближнего и Среднего Востока, в январе 1941 года абвер нашел здесь новые области для своей деятельности.

Побудительный толчок к этому происходил не изнутри абвера, но из министерства иностранных дел, первоначально по настоянию бывшего представителя в Багдаде, доктора Гробба. В то время Рашид Али аль-Гайлани, один из лидеров антибританской партии, был премьер-министром Ирака, и его главным оппонентом был Нури-Паша ас-Сайд, который во время Первой мировой войны помог Лоуренсу отобрать арабские территории у турок. Рашид Али считал, что война в Европе дала ему прекрасную возможность избавить Ирак от английского влияния, и в этих намерениях его поддерживал муфтий Иерусалима Хаджи Амин эль-Хуссейни, президент Панисламского конгресса. Он также рассчитывал на помощь Германии, и эта помощь была обещана ему. Каждая из договаривающихся сторон, однако, вскоре была разочарована другой: немцы слишком высоко оценили боевую эффективность иракских солдат, подчинявшихся Рашиду Али, в то время как Рашид Али и муфтий сильно преувеличивали размеры помощи, которую Германия была способна оказать им.

Было отправлено несколько разрозненных самолетов, но сами по себе они не имели военной ценности, и их груз был слишком несущественным, чтобы представлять хоть какую-то практическую ценность для использования иракцами. Восстание быстро погасло. Оно стоило жизни нескольким германским офицерам, и Рашид Али с муфтием бежали в Тегеран. Германия пыталась, через доктора Ранна, получить поддержку повстанцам или, по крайней мере, технику и помощь для германских путей снабжения от французских солдат в Сирии, но в то время франко-германские отношения еще не достигли требуемой степени сердечности.

Тем не менее восстание в Багдаде показало, что эта часть света может представлять интерес для германского Верховного командования, и адмирал Канарис решил усилить деятельность разведки или в Турции, или с баз в этой стране. В посольстве Германии в Анкаре была создана «военная организация» – такое наименование давалось разведывательному центру в нейтральной, оккупированной стране либо в стране, относящейся к франко-британскому союзу, – а вспомогательное отделение было создано в Стамбуле, и сам Канарис в сопровождении Пикенброка, своей правой руки, в начале августа 1941 года нанес визит в Турцию.

Руководство военной организацией первоначально было доверено майору, в дальнейшем подполковнику, Мейер-Зерматту, который до этого был руководителем военной организации в Нидерландах, а сам я был назначен руководить вспомогательным отделением в Стамбуле. Так как Анкара была чисто правительственным и административным центром и поэтому ее очень легко было контролировать, стало очевидным, что большая часть практической работы должна осуществляться из Стамбула.

Я приступил в исполнении своих обязанностей в июле 1941 года. Кроме приказа о создании и налаживании работы подразделения для разведки на Ближнем и Среднем Востоке, я не получил более никаких инструкций. В мое распоряжение было отдано три пустые комнаты, но персонала я не имел никакого. Для начала я купил стол, три стула, шкаф и пишущую машинку. От последней некоторое время не было особой пользы, так как я, к сожалению, никогда не учился печатать, но я надеялся, что вскоре найду кого-нибудь, умеющего делать это, и в любом случае до того момента, как у меня будет что докладывать, должен был пройти какой-то период времени.

Моя первая сотрудница не владела стенографией и печатала одним пальцем, но у нее были некоторые другие исключительные качества. Это была Паула Кох, которая после войны была представлена иллюстрированными журналами любопытной публике как «Мата Хари Второй мировой войны». Аналогия крайне неверная; Мата Хари была легкомысленной молодой парижанкой, в то время как Паула Кох была набожной католичкой, которая во время Первой мировой войны заведовала самым передовым перевязочным пунктом в армии, продвинувшейся под командованием генерала фон Кресса до берегов Суэцкого канала. «Она заслужила достойное место в истории этой войны», – сказал о ней один офицер Генштаба, и не было написано ни одной работы о ходе боев за Суэцкий канал, в которой ее имя хотя бы не упоминалось.

Она выросла в Алеппо. После Первой мировой войны она основала госпиталь в Пернамбуко и еще один в Голландской Ост-Индии, а в первые дни Второй мировой войны она посвятила себя заботе о немцах, интернированных в Сирии. В доме своих родителей в Алеппо она познакомилась со всеми немцами, имеющими хоть какую-то значимость, и была на дружеской ноге с большинством знатных арабских семейств. Посредством ее добрых услуг я установил контакты с арабскими эмигрантами в Стамбуле, самым способным из которых был Муса Хуссейни, племянник и предполагаемый наследник муфтия Иерусалима. Он учился в Лондоне и в самом большом исламском учебном заведении мира – «Эль Азар» в Каире, и нити его дружеских связей тянулись от одного края арабского мира до другого.

Примерно в это же время в Стамбуле появился друг его дяди и собрат по заговору Рашид Али аль-Гайлани. Иметь с ним какие-то отношения для посла было несколько неудобно, поскольку турки резко отрицательно относились к немцам, имеющим какие-либо дела с арабами; все связи с этими «непокорными подданными», как они имели обыкновение называть арабов, они предпочитали держать в своих руках. Поэтому посол был рад оставить мне как помощнику военного атташе и главе отделения абвера поддержание связей с Рашидом Али. Эта связь открыла двери во все арабские страны; когда немного позже принц Египта в изгнании, сделав ставку на нас, связал свою судьбу с нами, Египет также был включен в нашу разведывательную сеть; посредством контактов с проживающими в Стамбуле русскими эмигрантами стало возможным получение определенного объема информации о России. Первым и самым активным из последних был меньшевик, который в 1919 году был членом правительства независимой республики Грузии в Тифлисе и советы которого были бесценными.

Когда в августе 1941 года русские и британцы оккупировали соответственно Северную и Южную Персию, немцы, конечно, были изгнаны из этой страны. Но ни торговля, ни количество паломников не понизились; и поскольку шахи отправлялись в паломничество или в Кербелу, к югу от Багдада, или в Мешхед на восточной окраине Северной Персии, каждый набожный паломник должен был проследовать через всю русскую и через часть британской оккупационной зоны, и это он делал вполне добровольно, особенно если получал небольшое денежное вспомоществование. Но следует признать, он получал деньги только в том случае, если в пути держал свои глаза и уши открытыми.

Все эти националистически настроенные люди, конечно, предварительно должны были пройти тщательное обучение для выполнения функций и обязанностей, необходимых военной разведке. Их собственные интересы были чисто политическими, и так Стамбул очень быстро стал центром политической разведывательной службы. К последней были привлечены также многие из наших турецких друзей. Первоначально турки были озабочены сохранением нейтралитета своей страны. Существовала долгосрочная традиция турецко-германского военного сотрудничества, которая началась в дни Фридриха Великого, и поэтому турки общались с немцами более свободно и открыто, нежели с остальными европейцами; и они становились еще более общительными и откровенными, если считали, что их информация может принести какую-то пользу в контексте демонстрации Германии способов окончить войну политическим соглашением.

Турецкая иностранная служба имеет впечатляющую историю, и даже сегодня все еще очевидно, что когда-то она служила империи, простиравшейся от Персидского залива до ворот Вены. Сообщения турецких миссий в различных столицах стран-союзниц всегда были наиболее интересными. Британцы облегчили работу германской разведки тем, что не всегда обращались с турками с тем уважением, на которое эти гордые люди, по их мнению, имели право. Британская политика по отношению к Турции в течение девятнадцатого столетия основывалась на принципе непосредственной поддержки и защиты христианских меньшинств от ислама. Именно Гладстон пустил в оборот выражение «Unspeakable Turk» («отвратительный турок») и потребовал его окончательного изгнания из Европы. Турок, однако, будучи гордым человеком, резко реагирует, если считает, что его ставят ниже армянина, еврея или грека. Одним из моих наиболее полезных источников информации был турок, который работал в британской фирме United Kingdom Commercial Corporation (Торговая корпорация Соединенного Королевства), но которого не продвигали по службе, отдавая предпочтение представителям упомянутых меньшинств.

Заблуждение, что информацию можно легко купить за деньги, является очень широко распространенным. На самом деле такое случается очень редко, по крайней мере на Востоке. Обычно должны присутствовать какие-то другие мотивы, и ненависть и месть входят в число наиболее надежных союзников разведслужбы. Как раз в связи с одной историей, которая, следует признать, не имела ничего общего с разведкой, я захотел установить размер взятки, уплаченной офицером местной резидентуры британской разведки некоему адвокату, и я очень хотел бросить взгляд на соответствующий документ, хранившийся в Генеральном консульстве Британии. Не прошло и трех дней, как он лежал на моем столе (кстати говоря, сумма оказалась значительно большей, чем я мог позволить себе заплатить в аналогичной ситуации). Документ благополучно вернулся на место, и ознакомление с ним не стоило мне ни фартинга. Объяснялось это так: родственник одного из сотрудников Генерального консульства был убит англичанином, и этого было вполне достаточно для того, чтобы обеспечить немедленное выполнение любого моего желания по ознакомлению с делами в британском консульстве.

Сначала я рассматривал мою миссию скорее как добывание военно-политической, нежели просто военной информации. Наиболее важный вопрос, говорил я себе, откажутся ли турки, будучи союзниками англичан, от своего нейтралитета и вступят ли в войну против Германии? То, что они поступят так по своей воле, выглядело крайне неправдоподобным; но под давлением они могут быть вынуждены так поступить. Такое давление могло быть оказано из Сирии и Ирака против Южной Турции. Поэтому было жизненно важно установить силы британских частей и частей армии «Свободной Франции» в этих странах, и это легко могло быть выполнено посредством систематических наблюдений, результаты которых могли быть существенно дополнены и подкреплены информацией из Каира, центра деятельности союзников на Среднем Востоке.

Связи между Египтом и Турцией во время войны не прерывались. Египетское королевское семейство было турецкого происхождения; Мехмет Али, основатель правящей династии Египта, родился в Кавалле. Вплоть до Первой мировой войны правитель Египта называл себя хедифом – что означало «представитель», – поскольку он был наместником халифа, находившегося в Константинополе. Когда он принял титул короля, близкие социальные связи между Константинополем и Каиром продолжали цвести и многие египетские семейства, чье присутствие в Египте не приветствовалось британцами, переехали в Стамбул; получать информацию от них, от их родственников и друзей, оставшихся в Египте, было легко.

Непосредственно разведка района к югу от турецкой границы осуществлялась частично простым визуальным наблюдением – выясняя число солдат, замечая передвижения войск, записывая символы и эмблемы на военной технике. Мы были, однако, вынуждены давать нашим арабским помощникам определенные инструкции, предназначенные для того, чтобы

обуздать их восточную фантазию в отношении цифр, и для того, чтобы научить их воспроизводить виденные ими эмблемы и значки в распознаваемом виде. Это было довольно простой задачей в отношении святого Георгия верхом на коне или какого-нибудь другого легко распознаваемого символа. Но это становилось немного сложнее, когда прибывали австралийские и новозеландские части, носящие в качестве эмблем изображения животных, таких как кенгуру, которых арабы не видели никогда в жизни; и кенгуру, нарисованный арабским наблюдателем, выглядит даже более впечатляюще, чем в жизни! Для такого рода инструктажей мне приходилось пользоваться услугами профессора востоковедения, который консультировал Генштаб вместе с бывшим главой лингвистического факультета турецкого колледжа. У обоих было несколько помощников. Эти кадры, занимающиеся инструктажем, работали с точностью и добросовестностью отдела Генштаба и добились превосходных результатов.

Поскольку передвижение через Средиземное море было очень ограниченным, англичане обнаружили, что они вынуждены отправлять большинство подкреплений для Египта и для 9-й и 10-й армий в Сирии вокруг мыса Доброй Надежды. Сборным районом для британцев был сам Египет. Существенная часть вновь прибывших частей и запасов, однако, была сосредоточена в Сирии и Палестине. Информация, собранная моей организацией, рассматривалась и критически оценивалась в отделе «Иностранные армии Запада», соответствующем разведывательном подразделении Главного командования сухопутных войск, и затем направлялась в штаб Африканского корпуса. В течение примерно двух лет рутинная работа моего отделения состояла в подготовке ситуационной карты и карты перемещения войск, сообщении о прибытии и возможном использовании моторизованных подразделений и бронечастей, о размещении авиационных баз британских (Королевских) ВВС и направляемых на них подкреплений и сборе общей информации военного характера, которая имела прямое отношение к Северо-африканскому театру военных действий. Мы сообщили, например, о потоплении британского линкора «Бархэм» через сорок шесть часов после этого события. Этот факт не был признан британцами и не был установлен морской разведкой, равно как этого события не наблюдал ни один из наших солдат в Северной Африке. Уничтожение крупного боевого корабля такого класса оказало, и это легко признать, жизненно важное влияние на характер морских операций в Средиземном море. Потеря «Бархэма» была признана британцами только три месяца спустя.

Поддерживание контактов с арабскими кругами требовало от нас существенных усилий. На некоторое время наши мероприятия в этой интересной области работы были сосредоточены вокруг Рашида Али, премьер-министра Ирака, бежавшего в Турцию, в то время как муфтий остался в Тегеране. Когда немцы и итальянцы были изгнаны из Персии, последний присоединился к итальянскому послу под видом слуги, таким образом, в результате предоставленной ему защиты он не имел другого выбора, кроме как ехать в Рим. Когда об этом услышал Рашид Али, он «возревновал» и потребовал для себя отправки в Берлин. Это никоим образом не было простой задачей. Он дал честное слово правительству Турции не покидать страну, но последнее, не полагаясь полностью на его честное слово, очень пристально наблюдало за ним. В этом они получали поддержку не только британцев, но была вероятность того, что русские тоже тщательно следили за ним.

В любом случае вывезти его из страны само по себе было проблемой. Было несложно обеспечить для него необходимый немецкий паспорт, но выяснилось, что невозможно внести в документы необходимые данные о его прибытии и временном пребывании в Турции. В Генеральном консульстве хранились результаты раскопок, проводившихся археологической экспедицией. Не представляло особой сложности отправить один из больших по размеру ящиков в Болгарию. Сотрудник службы безопасности, который вместе со мной работал над этой проблемой, подготовил один из них, и Рашид Али выразил готовность путешествовать в нем. Даже так это никоим образом не было простой задачей.

Тогда нам на помощь пришло министерство иностранных дел. Правительство Турции пригласило в страну делегацию немецких журналистов. Она прибыла в Стамбул на личном самолете министра иностранных дел и привезла с собой большой ящик, достаточный по размерам и прочности, чтобы вместить взрослого мужчину, хотя также были подготовлены и альтернативные средства. Правительству Турции было сообщено, что германская делегация будет состоять из восьми членов, и, когда самолет прибыл, естественно, для проверки было представлено восемь паспортов. Обладатель восьмого паспорта, господин Вакернагель, как и другие члены делегации, получил приглашение на ужин, который должен был состояться этим же вечером в турецком пресс-клубе. К искреннему сожалению германской делегации и их турецких хозяев, «герр Вакернагель» не смог прийти, так как он заболел – неожиданно и серьезно. Он также не смог поехать в Анкару, куда делегация отправилась на следующий день. Увеселения длились несколько дней. Вечером накануне запланированного возвращения делегации в Германию Рашид Али прибыл в Генеральное консульство. Потребовалась самая тщательная подготовка для того, чтобы так организовать его перемещения между его сельской резиденцией в Эринкой на берегу Мраморного моря и его городским домом, чтобы на 24 часа он мог избежать пристального наблюдения со стороны турок, британцев и русских.

Когда он прибыл, то доктор-немец был проинформирован о том, что «герр Вакернагель» нуждается в медицинской помощи. Рашид Али был щедро обмотан бинтами, которые отлично выглядели бы на больном свинкой. К счастью, он смог спокойно спать, но на следующее утро спозаранку он снова был тщательно забинтован и в аэропорт прибыл в состоянии «полного упадка сил», что вызывало симпатию и жалость со стороны всех, кто его видел. Накануне вечером употребление алкоголя было настолько неумеренным, что очень немногие из турок нашли в себе силы подняться рано утром и приехать попрощаться, и единственной их мыслью было как можно скорее вернуться домой.

После войны я имел случай задать вопрос сотруднику британской разведки: что британцы сообщили в Лондон о бегстве Рашида Али? Сообщение, полученное Лондоном, гласило, что Рашид Али бежал на корабле в Болгарию, и позднее первоначальное сообщение было «подтверждено надежным источником». Это была именно та легенда, которая намеренно распространялась филиалом абвера в Стамбуле.

Турецкий министр иностранных дел горько жаловался германскому послу на поведение Рашида Али. С глубоким презрением он восклицал: «Коллега нарушил свое слово!» И это, без сомнения, было чистой правдой.

Другие члены арабского эмигрантского сообщества были приняты турками очень по-разному. Мусе Хуссейни не пришлось спасаться бегством; напротив, ему было заявлено, что он нарушил общественный порядок и должен покинуть страну, и ему не было предоставлено иной альтернативы, кроме как поехать в Германию. Прежде чем это случилось, однако, он согласился поучаствовать в одном маленьком предприятии со своими друзьями в Сирии, и он пришел ко мне и убеждал меня оказать поддержку политическому перевороту в этой стране. Я ответил ему отказом, так как политическая деятельность не входила в то время в компетенцию отделения абвера в Стамбуле. Но я согласился с тем, что берлинское руководство предоставит в его распоряжение определенные средства, при условии поступления каких-либо материалов, представляющих ценность для военной разведки. Наш спор велся вокруг стоимости предприятия такого рода, и в конце, после весьма тщательных подсчетов, мы пришли к заключению, что затраты будут около восьмидесяти тысяч турецких фунтов, или, округленно, четырнадцати тысяч фунтов стерлингов. Это был один из тех немногих случаев, когда от отделения абвера в Стамбуле центральным аппаратом было затребовано письменное обоснование расходов на предприятие. Ответ пришел по телеграфу, после чего незамедлительно последовал первоначальный перевод на шестнадцать тысяч турецких фунтов. Этого было достаточно для того, чтобы начать предприятие.

Почтовый самолет из Германии всегда прибывал по пятницам ближе к вечеру, а вылетал обратно ранним утром по субботам. Поэтому, если требовалось дать письменные ответы на заданные нам вопросы, нам всегда приходилось работать весьма быстро. Однажды был доставлен пакет размером с маленькую сигарную коробку. Он выглядел так, будто содержал официальные инструкции, и это было всегда наименее желанной частью корреспонденции. Я велел своей секретарше запереть пакет в сейф или, если в сейфе нет места, положить его на сейф сверху. Когда на следующее утро он был распечатан, внутри него оказались деньги в валюте – восемьдесят тысяч турецких фунтов. В Берлине совершенно забыли о первоначальном переводе в шестнадцать тысяч фунтов, так что теперь у нас были достаточные фонды для дальнейших действий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.